

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ УБИТАГО ОФИЦЕРА (*).

1831 — 1838.

22 ноября 1831 года, выпущенъ я офицеромъ изъ 2-го Кадетскаго корпуса въ Конно-артиллерійскую № 2-го роту. День моего выпуска, безъ сомнѣнй, навсегда останется лучшимъ днемъ въ моей жизни. Съ офицерскимъ мундиромъ я получилъ свободу; но да сохранитъ меня Богъ, чтобы я когда нибудь употребилъ во зло мою свободу и пріобрѣтенныя права.

Къ чему представлять себѣ все въ радужномъ цвѣтѣ? Къ чему надѣяться, что дорога моей жизни будетъ безъ неровностей, безъ рытвинъ, безъ пропастей? Но, что бы ни было, я буду стоять прямо: судьба да сохранитъ меня отъ постыднаго паденія.

Странно, мрачныя мысли туманятъ мою голову, въ то время, какъ все окружающее встрѣчаетъ меня улыбкою, утѣшаетъ вниманіемъ; мать и братъ заботятся обо мнѣ, вячески стараются развлечь *неопытнаго юношу*.

Завтра я съ матушкой отправляюсь въ Т..... губернію, въ В... уѣздъ, гдѣ ждетъ насъ отецъ....

Изъ Петербурга ѣхали мы на долгихъ. Дорога была страшно утомительна. Заѣзжали въ извѣстное село Грузино, для того,

(*) Предлагаемъ здѣсь доставшіеся намъ отрывки изъ записокъ поручика Дмитрія Страмиллова. Подробности объ авторѣ помѣщены въ концѣ.

чтобъ я поблагодарилъ графа Аракчеева за опредѣленіе мое въ корпусъ.

Меценатъ мой обласкалъ своего питомца за то, какъ самъ говорилъ онъ, «что я постарался сдѣлаться артиллерійскимъ офицеромъ, чѣмъ и успѣлъ нѣсколько отблагодарить родныхъ и покровителей за ихъ заботы и попеченія». Графъ много толковалъ объ обязанностяхъ благороднаго человѣка, о необходимости слѣпо выполнять присягу, и проч., въ томъ же духѣ.

Сегодня, 9 января 1832 года, скажу прости родному уголку и лѣтомъ полечу въ Варшаву.

27 января 1832 г., 11 часовъ ночи.
Англіійская гостиница въ Варшавѣ.

Ровно сутки живу я въ роскошной Варшавѣ. Грустно смотрѣть на эту славную красавицу. Долго гулялъ и катался я по городу, накупили для себя кое-что.... Два фактора, за самую умѣренную цѣну, навязываютъ свои услуги, безпрестанно предлагаютъ поближе познакомиться съ мѣстными красотками: того и гляди, наведутъ на грѣхъ.

Изъ достопримѣчательностей Варшавы обратилъ я особенное вниманіе на укрѣпленія. Они, въ своемъ родѣ, совершенство. Невольно скажешь, что одна «русская мочь ихъ могла перемочь».

6 февраля. Мѣстечко Мышенцы, на прусской границѣ.

Ненитересная стоянка. Время проводимъ въ холостыхъ сходкахъ, между собой.

По дорогѣ изъ Варшавы почевалъ я въ Остроленкѣ. Оно съ трехъ сторонъ выжжено. Въ трактирѣ, сверхъ ожиданія, случился хорошій ужинъ и удобный ночлегъ; но ни вечеромъ, ни утромъ я не видалъ хозяевъ. Меня угощали двѣ хорошенькія паненки и молоденькая дѣвочка.... Онѣ сажались подлѣ меня, смѣлялись, шутили, подчивали виномъ, поили портеромъ и проч. Надоѣла мнѣ эта излишняя угодливость: я безъ церемоніи объявилъ, что мнѣ пора спать. Онѣ тотчасъ вышли. Я посиѣвшилъ лечь въ постель; но не прошло и четверти часа, какъ въ двери моей комнаты кто-то смѣло постучался.

— Не угодно ли вамъ къ ночи бутылку пива? раздался голосъ одной изъ паненокъ.

— Благодарю.

— Можетъ быть, портеру?

— Не надобно.

— Что же вамъ угодно?

— Чтобы вы оставили меня въ покоѣ.

Продолжительный и звонкій смѣхъ раздался за дверьми.

Меня не беспокоили, и я по утру, безъ особыхъ приключеній, выѣхалъ изъ Остроленко.

Въ Пултускѣ я обнялъ несчастнаго своего брата В* (*). Онъ въ большой нуждѣ. Семь лѣтъ прошло со времени послѣдняго моего свиданія. Мы вновь встрѣтились, и съ какимъ удовольствіемъ посиѣлилъ я пособить своему брату деньгами, всѣмъ, чѣмъ могъ. Благородный, но чрезъ мѣру пылкій характеръ погубилъ В*: вотъ уже семь лѣтъ, какъ онъ несетъ всѣ тягости солдатской службы. Судьба не была къ нему благосклонна: баталіонъ Ж... полка захваченъ былъ, въ полномъ составѣ, въ плѣнъ; Поляки положили и моего брата. Дѣло было такъ: баталіонъ, подъ командою П. Б..., составлялъ гарнизонъ крѣпости З.... Крѣпость лишена была почти всѣхъ средствъ къ защитѣ: ржавыл пушки безъ лафетовъ тамъ и сямъ валялись по обсыпанному валу; ядеръ и бомбъ не было, малочисленный гарнизонъ не въ состояніи былъ удержать укрѣпленіе.... До времени крѣпость защищена была только Провидѣніемъ: никто не обращалъ на этотъ пунктъ никакого вниманія; о немъ, казалось, забытъ и непріятель. Братъ съ баталіоннымъ командиромъ квартировалъ у Жиды въ корчмѣ. Въ полночь роковой ночи, офицеры сидѣли у баталіоннаго за картами. Вдругъ тревога, ружейные выстрѣлы, свистъ пуль, крики Жидовъ, предавшихъ москалей въ руки Поляковъ. Быстро накинулъ на себя братъ аммуницію и стремглавъ бросился вслѣдъ за офицерами пзъ корчмы. Баталіонный отдавъ приказъ убрать казенный ящикъ подальше въ сарай и всячески стараться снасти его. Братъ поспѣшилъ исполнить приказъ. Въ это время, полковникъ уже былъ окруженъ Поляками. Жестоко оскорбленный, осмѣянный ими, онъ долженъ былъ сдаться. Побѣдители устремились въ сарай: послѣ непродолжительной схватки, ящикъ былъ захваченъ....

Съ наступленіемъ утра, плѣнные были отведены въ укрѣпленіе П.... П.... Отсюда братъ бѣжалъ въ Пруссію. За нимъ гнались касіонеры польскіе. Враги настигали бѣглеца; но вотъ спасительный рубежъ земли чуждой: прусскіе часовые флегма-

(*) Въ подлинникѣ почти всѣ собственныя имена скрыты подъ заглавными буквами.

тически склонили ружья на прицѣлъ, и преслѣдователи должны были ретироваться. До конца кампаніи братъ находился въ Пруссіи, лишенный возможности стать въ ряды дѣйствующей арміи.

Въ Пулитускѣ видѣлъ я и другаго своего брата, А*, юнкера М.... полка. Много хорошаго разсказалъ мнѣ о его храбрости ротный командиръ. Такъ, наприимѣръ, полъ Остроленко, на мосту черезъ Нареву, происходила горячая свадка. Въ жару боя, братъ былъ сильно раненъ штыкомъ въ икру. Въ отмѣстку, храбрый юнкеръ изломалъ штыкъ о кости непріятеля, и до половины ствола его ружье было набито человѣческимъ мясомъ. «Впрочемъ — добавилъ капитанъ — если съ такимъ азартомъ дрались наши, то и противники вели себя истинно удалцами. Ихъ безстрашію, ихъ огню надо удивляться.»

17 сентября. Деревня К. ..

Съ тяжелымъ, мертвящимъ чувствомъ, смотрѣлъ я на слѣды грознаго опустошенія, во все продолженіе нашего похода съ прусской границы въ Литву. Жители въ разбродѣ, поля измѣты, жилища выжжены и срыты. Какая ужасная кара!...

Но вотъ мы пришли и на постоянныя квартиры, подъ теплую кровлю и если не на добрый пиръ, такъ все-таки лучше бивуаковъ и бивуачной жизни: съ пѣвотвореніемъ однихъ и тѣхъ же анекдотовъ, неизмѣнными картами и проч.

28 сентября. Мыза Грозацъ.

Эхъ, какъ пригодилась бы мнѣ теперь польская фамилія! Можетъ быть, она провела бы меня въ семейства помѣщиковъ. Насъ не жалуютъ и неохотно принимаютъ къ себѣ Поляки....

Выгѣзжать и знакомиться невозможно, а жить въ избѣ невыносимо. Хаты курныя, вездѣ дуетъ, окна войлочныя, грязь, хозяева пниіе.... Въ жилище, которымъ обезпечила меня судьба на зиму, просто, войти нельзя. Стѣны черны отъ дыма и таракановъ; полъ — земля сырая, дневной свѣтъ едва, едва проникаетъ. Но лучше умолчу о всѣхъ прелестяхъ моей стоянки.

30 сентября.

Явился посланный отъ графини К*, владѣлицы близъ лежащаго села. Зовутъ къ себѣ. Можно представить, какъ обрадовало меня это приглашеніе. Черезъ часъ я уже входилъ въ бильярдную; не успѣлъ оправиться передъ зеркаломъ, какъ вошла графиня. На ея лицѣ замѣтны слѣды грусти и печали. Зашла рѣчь о

Петербургъ—я развернулся. Подали чай, вдругъ дверь отворилась, и изъ порога явилась прелестная, какъ ангелъ, дочь графини.

Я весь вострепнулся. Присутствіе красавицы мгновенно оживило остывавшую бесѣду.

Какъ покойно ея лицо, какъ прелестны ея очи! Красавица плѣнила меня своими чудными очами.... Тихо, въ забытіи возвращался я въ курную хату.

9 октябръ. Мыза М....

Ура! моя скверная избенка преобразилась въ покойное, комфортабельное жилище: я живу въ графининомъ домѣ. Жаль мнѣ мою гостепріимную хозяйку. Она скорбитъ сердцемъ о смерти мужа и сына, павшихъ въ бою. Оставшіяся въ живыхъ сыны ея рѣдко бываетъ съ нами. У него только и на умѣ: борзые, гончіе, лигавые... За то дочь графини.... Въ семнадцать лѣтъ это прелестное, очаровательное созданіе, веселое, какъ дитя. Что за божественный огонь горитъ въ ея глазахъ! все въ ней такъ просто, такъ безыскусственно!

15 октябръ.

Я неразлученъ съ Ел.... Ей вздумалось учить меня польскому языку. Говорить ли о томъ, что я дѣлаю невѣроятные успѣхи? всѣ трудности исчезаютъ.

24 октябръ.

Вчера, часу въ пятomъ пополудни, мы гуляли съ Ел.... въ саду. Засохшіе цвѣты, обнаженные деревья, къ тому же пасмурное, осеннее небо настроили разговоръ на печальный ладъ. Между прочимъ, она спросила меня: «Что для васъ лучше — весна или осень?»

Проникнутый грустнымъ чувствомъ отъ продолжительнаго созерцанія умиравшей природы, я отвѣчалъ машинально: «осень» (*).

— Почему жъ?

— Потому что... весной все видимое только возрождается, стремясь освободиться отъ узъ или пеленъ, подъ которыми скрывается.. совершенное, зрѣлое. Весна есть младенчество, которое общается намъ показать осенью, въ полный свой возрастъ, удовольствія совершенныя.

— Согласитесь же, однако, что осенью все уныло.

— Правда; но эта унылость сама по себѣ доставляетъ величайшее наслажденіе. Скажите: чловѣкъ съ душой младенчес-

(*) Разговоръ этотъ напоминаетъ бесѣды героевъ и героинь романовъ Маринскаго.

кой пойметъ ли онъ меня? Есть ли въ немъ сокровищница, могущая совмѣстить мои неисчислимые восторги?

— Итакъ, опытность, умная старость—вашъ лучший собесѣдникъ? подхватила Ел..., смѣясь. Вы заключили несправедливо. Старость дышетъ остудою чувствъ, и, стало быть, она не въ силахъ приютить, согрѣть мгновенно мое чувство, уразумѣть, слиться съ огненною моею мыслью, при самомъ ея рожденіи. Покажеть старость будетъ разсчитывать, нужно ли дать откликъ на звукъ души моей, я уже пять разъ потерю терпѣніе. Отчего, напримеръ, продолжала красавица:—стоя надъ бездною, куда съ шумомъ стремится вода, рветъ и мечетъ все встрѣчное, отчего чувствуется одно болѣзненное трепетаніе, отчего безотчетно стараешься продлить мучительное наслажденіе? Вовсе не потому, что это сцены для насъ новыя, а за тѣмъ, что и въ душѣ нашей иногда совершается подобное зрѣлище....

Въ концѣ аллеи, показався братъ Ел...

Мы молча вернулись въ комнаты.

3 ноября.

Что за чудное, неизъяснимое блаженство любить сильно, высоко, съ тѣмъ огнемъ, съ какимъ только можно любить въ мои годы, когда еще душа не истомилась подъ вліяніемъ страстей!

Я не знаю, что со мною дѣлается; знаю только то, что настоящее мое восхитительно; я въ упоеніи! Неужели можно найти слова, чтобы выразить подобное состояніе духа?

Сегодня я слушаю, я унывалъ плѣнительной музыкой Ел.... Боже, какъ хороши эти звуки, этотъ говоръ души возвышенной! Какъ обворожительно музыкантна!

Любимый поэтъ Ел... Мицкевичъ. Высокая мысль, тихое, отрадное, глубокое чувство обнаруживается на прекрасномъ лицѣ ея, при чтеніи дивныхъ стиховъ.

18 ноября. Мыза М....

Куда завели меня мечты мои, въ какую невѣдомую страну занесенъ я?... Вездѣ туманъ, все земное отдѣлено отъ глазъ моихъ завѣсою очаровательной фантазіи. Зачѣмъ я встрѣтилъ тебя, Ел...? Зачѣмъ предсталъ предо мной этотъ небесный житель?

30 ноября.

Вчера пріѣхалъ на мызу корнетъ N N гусарскаго полка, другъ сына хозяйки дома. Старушка очень ласкаетъ X', толкуетъ о свадебныхъ приготовленіяхъ; но Ел... столько же холодна къ корнету, сколько благосклонна ко мнѣ.

— Ел... скажите мнѣ, Х' ищетъ руки вашей?

— Можетъ быть.

— И вы?

— И я — его ненавижу.

Страшно становится мнѣ при мысли, что приниженный рыцарь этотъ сдѣлается обладателемъ превосходнаго творенія Божія.

Полночь. Сію минуту былъ у меня Х'. Онъ приходилъ посоветоваться о томъ, какъ дѣйствовать, чтобы получить руку Ел... Много болталъ корнеть, я молчалъ, но внутренно молилъ Бога, чтобы бракъ этотъ не состоялся.

16 декабря. Мѣстечко Н. Штабъ-квартира.

Иду въ Москву. Съ какимъ стѣпеннымъ сердцемъ простился я съ своимъ ангеломъ!

Многіе твердили мнѣ, что ко всему привыкнуть можно. Никогда не согласусь. Человѣкъ, одаренный умомъ, умѣетъ въ несчастіи сохранить наружное спокойствіе, между тѣмъ, какъ душа его мѣтеть въ безсильной борьбѣ съ тяжелыми обстоятельствами. Многіе ли переносили безъ ропота встрѣчу съ несчастіемъ? Въ утѣшеніе, я могу только мыслить свободно, но мыслить про себя. На эту способность люди не имѣютъ права: Богъ ее далъ, Богъ и возьметъ!

15 января 1873 г. Вильно.

Незавидно, непривлекательно *счастіе*, если оно является въѣмъ въ такомъ же видѣ, въ какомъ явилось мнѣ. Мѣсяцъ назадъ я былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Гдѣ, куда улетѣло это золотое время? Я отчаиваюсь когда либо увидѣть женщину съ такими превосходными качествами, какими обладаетъ Ел...

27 января. Минскъ. Гостиница.

Путевой товарищъ, артиллерійскій поручикъ Тихменевъ (*), человекъ веселый и беззаботный, пошелъ отыскивать знакомыхъ; а я съ обычною думою гляжу на улицу, полуосвѣщенную фонарями. Шумъ понемногу стихаетъ. Здѣсь не такъ, какъ въ столицахъ: въ полночь тишь непробудная. Я задумался. Воображеніе унесло меня въ садъ, на скамейку, подъ сводъ душистыхъ сиренъ и акацій, подлѣ Ел... Что-то дѣлаетъ она? бормоталъ я.

(*) Умеръ въ послѣдствіи, подполковникомъ, на Кавказѣ.

— Спать! сказалъ кто-то сзади меня тоненькимъ голоскомъ. Оборачиваюсь. Тихменевъ стоитъ подлѣ меня и качаетъ головой.

— Ты не хочешь—таки успокоится? Знаешь ли, что, продолжаю: —такъ какъ безъ ужина не ложатся спать, то я самъ лично заказалъ повару чудесную закуску; а пока выпей стаканъ вина, за здравіе твоего ангела.

2 февраля. Москва.

Встрѣтилъ брата-солдата.... Его положеніе безотраднo. Гдѣ исхoдъ изъ него, не знаю....

6 апрѣля. Серпуховъ.

Живу, дышу мечтами о незабвенномъ прошедшемъ. Боже мой, съ какимъ бы наслажденіемъ возвратился я къ милому прошлому!

Со мною бывають мрачныя минуты: тогда участіе людское раздражаетъ, а не утѣшаетъ меня. Присутствіе челоуѣка, говоръ людской становятся ненавистными. Ничто не можетъ уладить тоски моего одиночества; я не могу писать, за многое принимаю и ничего не оканчиваю. Все она, все она занимаетъ мою голову; при мысли о ней трепещетъ мое сердце.

15 мая. Серпуховъ.

Карты межъ чиновниковъ, сплетни, жеманство, ссоры среди дамъ—вотъ развлеченіе жителей уѣзднаго города. Во встрѣчахъ нашихъ съ этимъ обществомъ царятъ разгулъ, свобода до дерзости, довольно пошленькія остроты и анекдоты. Все это служить къ невinnому убиванью времени.... Тоска!

Я бываю у весьма немногихъ, да и не хочу знакомиться; но люблю особенно проводить время въ домѣ здѣшняго богатаго помѣщика, холостяка В...., товарища по лицезу нашихъ знаменитыхъ поэтовъ А. С. Пушкина и барона Дельвига.

17 сентября.

Грудь болитъ. Здоровье примѣтно разстраивается. Подаю рапортъ объ увольненіи отъ службы. Полечу къ роднымъ, восстановлю свои силы, исцѣлю болѣзнь души моей.

15 мая 1834 г. Село А.

Гошу въ сестринномъ имѣнии, на берегу рѣки Мсты. Гуляю, хожу съ ружьемъ, катаюсь на лодкѣ, на лошади; купаюсь, пущу всего читаю, наконецъ засыпаю, съ тѣмъ, чтобы, проснувшись, снова приняться за то же. Все это навремя хорошо, но въ общемъ результатѣ скучно.

17 марта 1835 г. С.-Петербургъ.

Принять на службу въ артиллерійскую бригаду, расположенную въ Финляндіи. Страна эта такъ романтически описана, что мнѣ, жителю низменныхъ мѣстъ, съ нетерпѣніемъ хочется по-смотреть на эту славную страну, «близкую къ полюсамъ, сосѣдною Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, но гдѣ, такъ же, какъ въ странахъ, благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастье!»

24 марта. Казармы въ Финляндіи.

Мочи нѣтъ какая скука! Чтѣ начать, за чтѣ приняться? Чп²тать совершенно нечего. Продолжать дневникъ? Но будетъ ли онъ интересенъ? Хорошо вести журналъ впечатлѣній тому, кто часто мѣняетъ мѣсто, кто встрѣчаетъ людей съ чуждыми понятіями, чуждыми обычаями: тому лишь бы охоты стало—писать найдется чтѣ. А мнѣ? Представьте себѣ жизнь самую однообразную.... Казарма между лѣсомъ и скалами. Кругомъ далеко не видно жилья. Тщетно глазъ старается отыскать видъ, болѣе отраднѣй: вездѣ чуждо, безотвѣтно, холодно... Тамъ видны скалы, закутанныя пухлымъ снѣгомъ, изрѣзанныя черными расщелинами, а тамъ, вправо, вѣчно волнуется море.

13 августа.

Созерцаніе дикой, мрачной и угрюмой здѣшней природы часто заставляетъ трепетать мое сердце... Не забуду побѣлки въ Гельсингфорсѣ. О многомъ передумалъ, многое почувствовалъ я, любуясь на водопадъ Гегсфорса (*). Изумленный чуднымъ зрѣлищемъ, при громовомъ шумѣ паденія волнъ, при видѣ огнистой радуги, влажныхъ искръ, я побѣжалъ къ водопаду и сталъ на камнѣ. Съ обѣихъ сторонъ охватывали его волны; брызги меня засыпали. Взглянулъ подъ ноги: тамъ отиѣшал, пѣнистая стѣна, а внизу ея кипящая бездна. Впервые, со времени прощальнаго свиданія моего съ Ел..., душа моя замирала въ какомъ-то упонтельномъ наслажденіи.

20 апрѣля.

Версты три отъ нашей стоянки есть два, полуразрушенные, полявы укрѣпленія. Сюда люблю я прогуливаться... На обсыпавшемся валу, съ книгою въ рукахъ, лежу я по нѣскольку часовъ сряду...

(*) Станція по большой дорогѣ въ Гельсингфорсѣ.

Но книга валится изъ рукъ, и я начинаю мечтать... Какъ бы далеко ни записались мои думы, но онѣ всегда примчатъ меня въ фантастическій, волшебный міръ любви. Воспоминаніе о Ел... для меня отрада. Неужели сердце мое перекинуло, закалилось для новыхъ впечатлѣній? Неужели оно тотъ самый булатъ любимѣйшаго моего писателя Марлинскаго, на которомъ никто и ничто не можетъ начертать слова *завить*?

20 іюня.

О чемъ писать? О жизни военной; но зачѣмъ рассказывать о безцѣлности убиванія времени? Говорить о солдатахъ, этихъ удалыхъ молодцахъ? Но много ли новаго въ ихъ быту? Описывать Финляндію, ея величественную природу — лучше прочесть Батюшкова.

1835 годъ.

У батарейнаго командира бываю чрезвычайно рѣдко, только по особенному приглашенію. Чудаки! Онъ ревнуетъ меня къ своей хорошенькой женѣ (*). Странною ревностію онъ оскорбляетъ меня. По своимъ правиламъ, я считаю свитотатствомъ осквернить чистоту брачнаго ложа. Мое поведеніе вовсе не дастъ права дѣлать ни о женѣ своей, ни обо мнѣ подобныхъ заключеній.

3 мая 1836 г. Выборгъ.

Прости, Финляндія! Прости, жизнь методическаго обращенія съ солдатами. Простите товарищи, будущіе генералы. Лечу въ Петербургъ. Жизни, жизни мнѣ надо! Въ чемъ она состоитъ, гдѣ ее найти?

20 мая. Деревня Шельдиха. Берегъ Ладожскаго озера.

Что за прелестное существо встрѣтилъ я въ Петербургѣ, въ добродушномъ семействѣ Б....выхъ!.. Младшая дочь старика — какое-то фантастическое созданіе. Надобно гордиться, если вы успеете пріобрѣсть ея вниманіе. Въ продолженіе пустаго, свѣтскаго разговора, смотрите, какая горькая насмѣшка, какая безпощадная пронія видна на ея умиомъ, прелестномъ личикѣ. Но заговорите отъ души, серьезно, и какъ мгновенно прояснятся ея глаза, какой обворожительной влагой заблестятъ они, и какал умиал, безыскусственная, прочувствованная рѣчь польется съ ея роскошныхъ устъ!...

(*) По замѣчанію О. Д. К., авторъ дневника былъ очень хорошъ собой, строенъ и хорошо сложенъ.

8 сентября 1837 г. Ораніенбаумъ.

Отъ хандры, я заболѣть, и заболѣть серьёзно. Къ боли присоединилась тоска о томъ, что все родные меня забыли, ни отъ куда нѣтъ отрадной вѣсточки, ни откуда участія и любви. Отецъ не благоволитъ ко мнѣ, не пишетъ, не позволяетъ писать и матери; мало того: въ письмѣ къ брату, называетъ меня отступникомъ (отъ чего?), еретикомъ, либераломъ!! И больно, и грустно за это отживающее поколѣніе. Любопытно, что называютъ они отступничествомъ и либерализмомъ.

21 января 1838 г. С.-Петербургъ.

Нѣтъ, не могу я жить въ той средѣ, въ которую бросила меня судьба! Подамъ переводъ на Кавказъ. Будь что будетъ, но дальше, дальше отъ береговъ Невы!...

19 октября. Кавказъ. Лагерь при Бу — мѣ Ламанъ (*).

.... Въ виду Кавказскихъ горъ, въ виду величественной природы, я ясно вижу, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ гениальный Марлинскій описать чудесныя картины роскошнаго юга! Красоты и ужасы природы, добрыя и злыя дѣйствія человѣческаго сердца, тайная поэзія духа нашего — вотъ область, въ которой витаетъ его гений, вотъ откуда черпаетъ онъ усладительную нищу души нашей. Быстрая, какъ молнія, мысль неслась и унесла его «сверхъ, за звѣзды млечнаго пути, и внизъ, за тѣнь могилыную»!

Но истиннѣ, предметы, избираемые Ал. Ал. Бестужевымъ для повѣстей, столько же разнообразны, какъ міръ, начиная съ добраго, нѣжнаго, легкаго, розоваго созданія неба до злаго, страшнаго, чернаго исчадія ада: велико поле, сплестъ быть и витязь!

Онъ не падать духомъ, трудился и дарилъ Россію своими дивными произведеніями.

Изящный вкусъ былъ необходимымъ условіемъ его пера. Если и случалось, что Бестужевъ иногда и грѣшилъ (чего, впрочемъ, я не замѣчалъ) противъ условій эстетическаго вкуса, то онъ противорѣчалъ самъ себѣ.

22 октября.

Походъ, походъ! Что сулитъ онъ мнѣ — славную ли смерть, славную ли заслугу предъ brave товарищами? Не страшусь я смерти, не лѣжусь и на награды....

(*) Въ этомъ мѣстѣ вырвано нѣсколько листиковъ. Съ этого мѣста замѣтки велись на маленькихъ листикахъ.

23 октября.

Заняты постройкой крѣпости Цемеса, мѣсто 3 десанта. По-знакомился съ Данзассомъ, секундантомъ Пушкина. Какой благородный человѣкъ, вполне достойный сотоварищъ безсмертнаго поэта! Постараюсь сойтись съ нимъ поближе и, вѣроятно, узнаю любопытныя подробности о покойномъ.

26 октября. Коса между Чернымъ моремъ и устьемъ Кубани.

Сегодня я долго сидѣлъ на скалистомъ берегу Чернаго моря. Думы ронлись и отлетали, какъ волны, которые съ шумомъ отбиваются отъ берега. Въ безотчетномъ упоеніи, въ непонятной задумчивости долго и долго сидѣлъ я на берегу... Гдѣ ты, что съ тобою, ангелъ души моей Ел...? Неужели ты не постигла всей силы моей пламенной любви? Неужели сердце твое бьется для другаго? Неужели ты не отличила меня отъ этихъ пустыхъ, ничтожныхъ людей? Но Боже, Боже мой! Чѣмъ же я отличилъ себя отъ этой жалкой толпы, чѣмъ заявилъ цѣль своей жизни, на что способенъ, къ чему приготовленъ я? Но нѣтъ, я нездоровъ. Тоска давить изъ меня слезы....

Я началъ съ картины моря, съ картины здѣшней природы. Какъ великолѣпно описалъ ее неоцѣненный Марлинскій... Нѣкоторые говорятъ, что онъ слѣпой подражатель Жанепу — пустяки! Это выраженіе родилось въ кабинетѣ, среди столничной жизни, произнесено людьми, чуждыми всякаго понятія о прибрежныхъ скалахъ, о дивныхъ картинахъ береговъ Чернаго и Каспійскаго морей.

29 октября. Бивуакъ на берегу Чернаго моря.

Страшный сонъ, мучительный сонъ! Все она, и что за лицо, что за граціозныя позы, что за страстное выраженіе лица! Въ движеніяхъ Ел..., въ ея жгучихъ взглядахъ, ея бѣлоснѣжной, волнуемой груди видна какал-то пламенная вакханка! Впрочемъ, я спамъ не вѣрю: они тѣ же сказки, только безъ моральнаго заключенія.

Цѣлое утро просидѣлъ надъ моремъ! Море, море, что движетъ твои волны? Зачѣмъ, для чего шумите вы? Мнѣ пришли на память прекрасныя стихи Полежаева:

И видѣлъ море, я измѣрилъ,
Очами жадными его;
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ.

«О, море, море!» Я мечталъ,
 Въ раздумьи грустномъ и глубокомъ,
 «Кто первый мыслилъ и стоялъ
 На берегу твоемъ высокомъ?
 Кто, не разгаданный въ вѣкахъ,
 Замѣтилъ первый блескъ лазури,
 Войну громовъ и ярость бури
 Въ твоихъ младенческихъ волнахъ?
 Куда исчезли другъ за другомъ
 Твоихъ владѣльцевъ племена,
 О коихъ вѣсть намъ предана
 Однимъ злопамятнымъ досугомъ?...» и т. д.

Въ моихъ тетрадкахъ вписано множество лучшихъ стихотвореній лучшихъ поэтовъ нашихъ; есть и мои грѣшки стихотворные... Кромѣ сочиненій Марлинскаго, въ моемъ походномъ чемоданикѣ слишкомъ немного книгъ: вотъ почему читать и перечитывать мои тетрадки есть для меня одно изъ лучшихъ наслажденій.

29 октября, ночь.

Завтра бой! Чтò за странное предчувствіе, чтò за удивительные переходы отъ снѣдающей грусти къ безумному веселію! Чтò-то говорить мнѣ: близится и близится послѣдній расчетъ твой съ жизнью!... Чтò жь, я готовъ! Боже Ты мой Господи! дай мнѣ языкъ, дай мнѣ способность выразить словомъ горькимъ, словомъ могучимъ всю силу той страшной мысли о ничтожествѣ жизни нашей, — мысли, которая жжетъ грудь мою!...

Рукою брата автора сихъ записокъ, приписаны на послѣднемъ листкѣ слѣдующія строки:

«Помяни Господи душу раба Твоего Дмитрія во царствіи Твоемъ! Я повторю послѣднія слова моего милаго брата, моего сердечнаго друга: Боже Ты мой Господи! дай мнѣ языкъ, дай мнѣ словъ, чтобы выразить всю силу страшной мысли о нашемъ ничтожествѣ, — мысли, которая поражаетъ грудь мою!»

Александръ Страмиловъ.

Кавказъ.

4 ноября 1838 года.

«Отрывки изъ записокъ» Дмитрія Страмилова доставлены мнѣ Ѳедоромъ Дмитриевичемъ К....., сослуживцемъ, добрымъ пріятелемъ, другомъ обоихъ братьевъ Страмиловыхъ. Г. К. нынѣ отставной капитанъ, изреченный въ Польшу, въ 1831 году, не

разъ раненъ на Кавказѣ въ кровавыхъ схваткахъ съ Черкесами. Разказы Федора Дмитриевича о бывшемъ, его записки о разныхъ событіяхъ его жизни весьма интересны (*). Ему достались всѣ бумаги Страмилова; съ его же словъ помѣщая здѣсь разказъ о послѣднихъ дняхъ жизни Дмитрія Страмилова.

30 октября 1838 года, Д. Страмиловъ стоялъ съ двумя орудіями на крутомъ обрывѣ. Была жаркая перестрѣлка. Между скалъ свистали пули; русскіе стрѣлки тщательно скрывались за буграми и деревьями, усердно посылая пулю за пулею. Страмиловъ, бравый артиллеристъ, молодецки командовалъ своимъ взводомъ и время отъ времени осыпалъ картечью опушку лѣса, въ которой скрывались горы. Ко взводу подъѣхалъ генералъ К*, командиръ лѣваго фланга. Это былъ человѣкъ добродушный, необыкновенно храбрый, потерявшій въ бою шесть реберъ, но безъ большихъ воинскихъ дарованій, притомъ любившій входить во все.

— Страмиловъ! закричалъ К*: — не такъ и не туда наводите орудіи! Смотрите, вотъ куда слѣдуетъ цѣлить.

На рѣзкое замѣчаніе поручика, генералъ К* разсердился не въ шутку и приказалъ батареинному командиру не давать поручику Страмилову орудій.

Это наказаніе чрезвычайно огорчило храброго и умнаго поручика.

— Ну, что жь дѣлать, сказалъ полковникъ, желая успокоить Страмилова:—не унывайте, батенька! Ослушаться нельзя. Хотя первые два дня вы не берите подъ начало орудій; а я вотъ васъ, батенька, пошлю на ординарцы къ Р*. Тамъ, въ свѣтъ, вы, батенька, найдете случай отличиться.... право, такъ.... Что жь, хотите, что ли, фхать ординарцемъ?

— Да дѣлать нечего, отвѣчалъ Страмиловъ: — не въ обозѣ же мнѣ быть въ самомъ дѣлѣ.

Страмиловъ посильничалъ въ командировку. На борзомъ скакунѣ онъ сидѣлъ молодцомъ, лихо управлялъ конемъ. Вообще, надо замѣтить, что Страмиловъ былъ превосходный наѣздникъ, знающій артиллеристъ, любимецъ солдатъ своихъ и замѣчательный силачъ. Поднять съ земли и положить на плечо двѣнадцать пудовъ для него ничего не значило. Шанка его была необыкновенно тяжела.

(*) Біографія Федора Дмитриевича помѣщена въ изданіи Новоселова: «Кавказцы». Портретъ его напечатанъ тамъ же.

Кончилась схватка 1 ноября. На холмѣ стоялъ г. Р*. Довольнымъ взглядомъ окидывалъ онъ поле битвы, прислушивался къ стихающей перестрѣлкѣ, шутилъ и балагурилъ съ окружающими.

— Господа! смотрите, вонъ нѣсколько молодцовъ джигитовъ у опушки, заговорилъ Р...., обращаясь къ своей свитѣ: — не угодно ли кому поохотиться заарканить краснаго зѣфирка?

Страмиловъ, только что подѣхавшій къ свитѣ, услышалъ слова военачальника, прищипорилъ коня и выскочилъ впередъ. Съ непріятельской стороны раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Двѣ пули впилась въ ногу поручика. Жгучая боль заставила его сжать бока лошади. Закусивъ удила, лихой конь рванулся впередъ и, какъ стрѣла, понесся прямо въ толпу джигитовъ.

Все дѣло произошло гораздо скорѣе, нежели я о немъ говорю. Черкесы окружили поручика, въ рукахъ его сверкнула шашка, и началась ужасная сѣча. Съ каждымъ взмахомъ силача новый трупъ валялся къ его ногамъ; всѣ его раны были смертельны: онъ рубилъ отъ шеи до пояса. Недешево обошлись ему эти подвиги. Разъяренные враги сомкнулись вокругъ героя: вопзли кинжалъ въ ногу, изрубили лѣвую руку, отрубили кисть правой, при чемъ шашка Страмилова далеко отскочила съ омертвѣвшими на ней пальцами; наконецъ, послѣдняя и ужаснѣйшая рана была сдѣлана въ лицо. Кто-то изъ хищниковъ полоснулъ его такъ, что носъ, губы, вся кожа нижней части лица повисли на его груди. Не въ состояніи будучи защищаться, истекая кровью, поручикъ судорожно обхватилъ лѣвою рукою стволъ дерева и все еще продолжалъ не поддаваться.

— Господа, что жъ вы стали! закричалъ генералъ къ оцѣпѣвшей свитѣ. — Вѣдь его рубить.... маршъ-маршъ на помощь!

Черкесы силлись оттащить поручика отъ дерева. Въ это мгновеніе, толпа казаковъ взвилась на горцеви. Они бросили умирающаго офицера.

Къ мѣсту боя подскакалъ Р* съ свитою. Казаки спѣшились и въ грустномъ безмолвіи окружили героя. Тутъ же стоялъ братъ Дмитрія — Александръ Страмиловъ, служившій рядовымъ въ казачьемъ войскѣ (*).

(*) За какой-то проступокъ юности, Александръ Страмиловъ былъ высланъ изъ корпуса въ солдаты, вновь прапроказилъ и угодилъ на Кавказъ, поступилъ въ казаки и совершилъ походъ въ одномъ отрядѣ съ братомъ.

— Господниѣ Страмилловъ, положите брата на бурку, ска- залъ генералъ.

Разостлалъ бурку; но раненый не далъ себя вести. Онъ сдѣ- лалъ два шага и упалъ на землю.

— Не желаете ли что сказать передъ смертью: я даю вамъ слово все сдѣлать для васъ, мой храбрый Страмилловъ, продол- жалъ генералъ, склонясь къ лицу умирающаго.

Братъ наложилъ на лицо тонкую кожу. Умирающій со стономъ повернулъ голову, мутнымъ взглядомъ указалъ на бра- та, въ отчаяніи упавшаго подлѣ него на колѣни, вслѣдъ затѣмъ посмотрѣлъ на генерала. Въ этомъ взглядѣ, Р* прочелъ мольбу о томъ, чтобы простили его брата, чтобы произвели его въ офи- церы.

Съ этою пѣмою просьбою, несчастный испустилъ духъ.

Товарищи оплакали славную смерть храбраго. Р* тутъ же далъ 500 руб. на постройку памятника. На надгробномъ камнѣ высѣкли надпись: «На семъ мѣстѣ изрубленъ храбрый артилле- рій офицеръ Дмитрій Страмилловъ. Господи, прійми духъ раба твоего!»

По приказанію г. Р*, художникъ, состоявшій въ его свѣтѣ, сдѣлалъ портретъ убитаго, изобразивъ съ его страшною ранюю: обрубленнымъ лицомъ.

Вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, предсмертная просьба не могла быть выполнена: Александръ Страмилловъ не дослужил- ся до прапорщичьяго чина, но получилъ какъ-то увольненіе отъ службы и удалился на житье въ деревеньку.

Мы передали замѣтки убитаго съ небольшими пропусками тѣхъ мѣстъ, которыя касаются его семейныхъ обстоятельствъ.

Несмотря на свою краткость, на сжатость и небрежность, съ которой набросаны замѣтки Страмилова, онѣ рисуютъ предъ нами личность, характеръ этого человѣка. Личность эта инте- ресна для насъ не сама по себѣ—мало ли героевъ и не-героевъ изрублены на Кавказѣ!—но интересна по отношенію къ современ- ному обществу, къ обществу того времени. Несмотря на то, что только двадцать лѣтъ прошло со смерти Пушкина, но уже гро- мадное, рѣзкое отличіе видно въ обществѣ нашемъ 30 и 50 годовъ.

Читая высокопарные возгласы Страмилова, мы отчетливо представляемъ себѣ человѣка: мысли, убѣжденія котораго прямо созрѣли подѣ влияніемъ тогдашняго направленія русской литературы. Добродушный, впечатлительный, съ душой и сердцемъ воспріимчивымъ, онъ вышелъ изъ корпуса, сохранивъ всю чистоту своей нравственности; онъ довоспѣлся на литературныхъ произведеніяхъ того времени. А литература того времени, при могучихъ талантахъ, отличалась тоскою, разочарованіемъ. Этотъ духъ разочарованія повѣялъ и на нашего героя. Какими, напри- мѣръ, странными словами, — словами смѣшными на устахъ розоваго, только что вырвавшагося изъ корпуса прапорщика, при- вѣтствуетъ онъ первый день своей, какъ онъ думаетъ, свободной жизни!... Какъ отъ первой строки до послѣдней онъ вѣренъ своей тихой грусти: нигдѣ ни слова веселаго....

Въ литературныхъ произведеніяхъ, онъ почерпнулъ самыя идеальныя, возвышенныя чувства, — чувства немного рыцарскія, тѣмъ не менѣе, вошедшія, такъ сказать, въ его плоть и кровь.

Дмитрій Страмиловъ есть живой герой, — герой въ *поручичьемъ* чинѣ, прямо вышедшій изъ современнаго романа Бестужева (Марлинскаго) и т. п. писателей, имѣвшихъ въ свое время силь- ное вліяніе на молодое поколѣніе. Все, чѣмъ отличались герои «Фрегата Надежды», «Аммалатъ-Бека» и другихъ романовъ, то совершенно усвоилъ себѣ Страмиловъ и постоянно проводилъ въ жизни. Его разсказъ о ночлегѣ въ Остроленко, его разсуж- деніе о ревнивомъ командирѣ, его идеальная, рыцарская любовь къ кокетливой красавицѣ-полькѣ Ел...., мысль о которой не оставляетъ его до гроба, его мечтательность, его любовь къ при- родѣ, неподдѣльный восторгъ при созерцаніи ея, — отъ всего этого вѣетъ искренностію.

Кавказъ нынѣ далеко не пользуется тою романтическою по- пулярностію, какою пользовался онъ въ тридцатыхъ годахъ. Воспѣтый, прославленный въ стихахъ и прозѣ, гремѣвшій въ двадцатыхъ годахъ подвигами Ермолова, Кавказъ служилъ приманкою для молодежи того времени. Молодежь эта искала славы, жаждала побѣдъ и подвиговъ всякаго рода. О Кавказѣ говорили во всѣхъ гостиныхъ, и, разумѣется, восторженный Страмиловъ, не находя возможности гдѣ нибудь проявить свои рыцарскія правила, слѣшилъ въ эту страну обѣтованную.

Самая смерть округляетъ предъ нами характеръ Страмиллова. Ясно видно, что вызвало его на подвигъ рыцарское воззрѣніе на долгъ война... Его гибель напоминаетъ смерть талантливаго Бестужева.

Мы не помнимъ, чтобы о ней гдѣ нибудь подробно разсказывали. Вотъ почему здѣсь кстати разскажу, по словамъ О. Д. К., нѣсколько подробностей о смерти А. А. Бестужева (Марлинскаго).

Александръ Александровичъ Бестужевъ долго служилъ на Кавказѣ нижнимъ чинномъ. Наконецъ, въ концѣ 1836 года, его произвели въ прапорщики Черноморскаго линейнаго № 10 баталіона, въ крѣпость Гилленджикъ, что на Черномъ морѣ. Ужаснѣе стоянки и житья въ Гилленджикѣ ничего не было во всемъ Кавказѣ. Крѣпость въ глуши, среди скалъ, дремучаго лѣса, почти лишенная путей сообщенія, съ удаленными отъ нея селеніями Русскихъ, въ вѣчной опасности быть захваченной хищниками. Самыя средства ея къ защитѣ были чрезвычайно ненадежны. Валы обсыпались, рвы засорены, пушки самыя скверныя, время 1810 года, отбитыя у Персіянъ и Турокъ. Однимъ словомъ, Гилленджикъ былъ какъ бы мѣстомъ наказанія, и туда поступали, дѣйствительно, люди что называется отчаянные во всѣхъ отношеніяхъ. Можно понять, какъ огорчило послѣ производства и новое назначеніе Бестужева. Онъ успѣлъ выхлопотать прикомандированіе къ Грузинскому гренадерскому полку и, въ отрядѣ барона Розена, отправился въ экспедицію, цѣль которой была занятіе восточнаго берега Чернаго моря цѣлымъ рядомъ укрѣпленій. На мысѣ Адлеръ, въ Черномъ морѣ, сдѣлана была высадка 7 іюня 1837 года. При первомъ вызовѣ охотниковъ для занятія опушки лѣса, начинавшагося шаговъ во ста отъ моря, прапорщикъ Бестужевъ немедленно вышелъ. Какъ на праздникъ полетѣлъ навстрѣчу герой въ опасную схватку. Бестужевъ прямо сталъ проситься въ передовую цѣнь.

— Что вы дѣлаете, Александръ Александровичъ, сказалъ ему генералъ:—отличиться или умереть вы всегда и вездѣ успѣете: чего же вы лезѣте на явную смерть? Ваша жизнь дорога для Россіи. Вы должны, вамъ долгъ беречь ее.

Тщетно убѣждалъ генералъ Бестужева: слишкомъ много страдалъ онъ, много перенесъ горя и давно уже палъ духомъ.

— Нѣтъ, не дорожить, отвѣчалъ Бестужевъ на доводы начальника и товарищей.

Начальство надъ горстью храбрыхъ стрѣлковъ принялъ капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка Л. Л. Альбрантъ. Они высадились на берегъ. Горцы безъ выстрѣла скрылись въ гущѣ лѣса. Бестужевъ и Альбрантъ быстро двинулись къ нему и, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, уложили хребцовъ въ тѣни деревь. Между тѣмъ, высадились на берегъ мингрельская милиція; за нею прибылъ и баронъ Розентъ, со всѣмъ своимъ штабомъ и передовыми войсками главнаго отряда. Вдругъ раздался барабанный бой. Альбрантъ вскочилъ и спросилъ лежавшаго подлѣ него старика унтеръ-офицера, не слыжалъ ли онъ сигнала къ движенію впередъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ двинулся, вмѣстѣ съ Бестужевымъ, стрѣлковъ, въ то время, какъ задній отрядъ не трогался съ мѣста. Въ глубинѣ чащи, завязалась самая жаркая перестрѣлка; пули сыпались справа и слева; тамъ и сямъ падали мертвые. Врагъ отступалъ. Стрѣлки прошли лѣсъ, показался плетень, раздался лай собакъ — все обличало близость аула. «Не зашли ли мы слишкомъ далеко?» проговорилъ капитанъ и просилъ Бестужева, съ двумя рядовыми, пробраться къ отрядному начальнику за новыми приказаніями. Бестужевъ, преодоливъ тысячу смертей, выбрался невредимымъ изъ лѣса. Получивъ отъ генерала Вальховскаго приказъ отступить, безстрашный прапорщикъ понесъ это приказаніе Альбранту. Кромѣ трудности пробраться сквозь чащу, на каждомъ шагу надо было ожидать встрѣтиться лицомъ лицу съ бродившими по лѣсу черкесами. Выстрѣлы раздавались безпрестанно. Много уже погибло съ нашей стороны; наконецъ двѣ пули съ визгомъ вошлись въ затылокъ и въ ногу Александра Александровича. Солдаты столпились и хотѣли взять на руки любимаго офицера.

— Братцы, не хлопочите, не заботьтесь о мнѣ. Бросьте, бѣгите. Я все равно умру.... мнѣ не для чего жить....

Набѣжавшіе горцы вырвали раненаго, и на Бестужева посыпались удары.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя по окончаніи экспедиціи, съ нашей стороны посылалъ въ горы маіора русской службы, мирнаго черкеса Гассанъ-Белъ, развѣдать, не живъ ли еще гдѣ нибудь въ плѣну прапорщикъ Бестужевъ.

Гассанъ узналъ о его смерти.

— Знаете ли, кого вы убили? сказалъ маіоръ горцамъ: — вы изрубили человѣка, который писалъ о васъ, былъ сочинитель.

Черкесы единодушно стали сожалѣть о томъ:

— Намъ бы русскій Царь далъ на выкупъ своего сочинителя, своего поэта мѣшокъ золота, мѣшокъ въ человѣческой ростъ.

Такъ рассказывалъ Гассанъ-Бей (*).

М. С.Й.

(*) Любопытно, что о смерти Марлинскаго рассказывались въ публикѣ долго послѣ 1837 года, самыя негѣпыя сказки. Такъ говорили, что онъ пропалъ безъ вѣсти, что на берегу Терека нашли его платье. Другіе толковали, что онъ палъ на дуэли: третьи пресерьёзно увѣряли, что Марлинскій и не думалъ ни тонуть, ни стрѣляться, а, просто на просто, перешелъ въ магометанство, и Шамилъ есть ничто иное, какъ авторъ «Аммалать-Бека».

Какъ бы то ни было, но эти басни достаточно показываютъ, какъ живо интересовалъ Марлинскій своихъ многочисленныхъ читателей и поклонниковъ.

При одномъ изъ номеровъ «Кавказцы», изд. Новоселова, приложенъ прекрасно сдѣланный видъ мыса Адлеръ, мѣсто смерти прапорщика Бестужева. Въ біографіи генералъ-маіора А. А. Альбранта, можно найти извѣстія о славной смерти нашего писателя.

ИСТОРІЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА.

ПО ДОСТОВѢРНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ СОСТАВЛЕНА ПО ВЫСЧАЙШЕМУ
ПОВЕДѢНІЮ.

Сочиненіе генералъ-маіора М. Богдановича.

I.

Французская революція нанесла окончательный ударъ феодальному элементу, уже ослабленному трехъ-вѣковыми успліями европейской жизни, выработала для этой жизни новую основу гражданственности, равенство передъ закономъ, устранившее прежнее различіе въ правахъ по вѣроисповѣданію, по племенному происхожденію, измѣнила и самыя понятія о цѣли общественной дѣятельности. Но, при своемъ появленіи, революція встревожила умы, испугала нравственное чувство европейскаго общества насиліемъ терроризма, а при концѣ попріща грозила міру военнымъ деспотизмомъ наполеоновой имперіи.

Такой печальный исходъ переворота, совершившагося, notwithstanding, во имя совершенно другихъ началъ, обусловился самымъ характеромъ революціи и свойствами французской націи, представительницы современнаго движенія. Токвиль справедливо замѣчаетъ большое сходство въ явленіяхъ, сопровождавшихъ французскую революцію, съ ходомъ религіозныхъ революцій новыхъ временъ: подобно исламу, политическое движеніе XVIII вѣка имѣло своихъ представителей и мучениковъ, свои фанатическія арміи; какъ новое ученіе, оно привлекло къ себѣ умы новизною формы и идеи, и этому сочувствію обязана революція первыми успѣхами своей вооруженной пропаганды.